

Они легко взбираются по стенам, висят на люстрах, сворачиваются вчетверо, замирают в акробатических подержках. Они то заворачиваются с ног до головы в замысловатые ткани, а то предстают во всей своей обнаженной соблазнительности. Этими теловыкрутасами артисты "Класса экспрессивной пластики" Геннадия Абрамова уже десять лет будоражат столицу, а также ближнее и дальнее зарубежье. То, что их тело живет и процветает, показал и прошедший в столице фестиваль, посвященный десятилетнему юбилею коллектива. О том, как все начиналось и к чему пришло, рассказывает руководитель "Класса" Геннадий АБРАМОВ.

ТЕЛОВЫКРУТАСЫ

Полная обнаженка

— Геннадий, в твоих спектаклях артисты предстают иногда почти голыми. Они не боятся обнажаться, ведь вы выступаете в маленьких театрах, когда тело так и лезет в глаза?

— Нет, не боятся. Вообще публика захлестывается не просто от нагого тела, а когда оно становится частью представления, когда в обнаженности есть и смысл, и тайна. Именно обнаженное тело, а не голое.

— И какая тут разница?
— Обнаженное тело — это прекрасно, это скульптура, живопись. А голое — это когда на пляже. Голое тело неприлично, со всеми его комплексами и неуклюжестью. Многие это понимают и даже стыдятся на пляже раздеваться. Люди не следят за телом, когда видишь эти пляжные экземпляры, медузообразные, расплзшиеся, — становится жутко.

— И как же надо за ним следить?
— Если человек хочет, он находит пути.
— Звучит очень пафосно. Находит пути... человеку нужно работать, кормить семью, крутиться двадцать четыре часа в сутки, где тут пути для тела? И потом, зачем следить, если человек не танцовщик, не спортсмен, не модель?

— Для жизни тела своего. А у человека нет любви к своему телу, тогда как вся цивилизация создана из этого тела. Но заниматься телом от ума — без толку. Сейчас полно всяких книг, как накачать мышцы, как похудеть и тому подобное — это все пустое.

— А как в "Классе" занимаются телом, и вообще с чего все начиналось?

Подняться куполом

— Однажды мы с режиссером Анатолием Васильевым увидели где-то за границей труппу авангардного танца. И решили, а почему бы и нам не рискнуть и не создать нечто подобное? Так при Школе драматического искусства был открыт "Класс экспрессивной пластики". Сейчас это самостоятельный творческий коллектив. У нас нет стабильного репертуара, но есть много экспериментальной работы. "Класс" держится на моем консерватизме и безразудстве молодых ребят. Я ничего им не показываю, а пытаюсь их пластические идеи соединить со своим опытом и создать из этого спектакль. В спектаклях нет главного героя, а сам спектакль складывается на последнем этапе. Примерно так художник создает картину — сначала один набросок, потом другой, затем что-то еще, и потом получается произведение, которое, может быть, изначально задумывалось совсем другим. Все на интуиции. Это как у Ахматовой: "Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...", так и здесь, не знаешь, какой мусор внутри человека рождает его пластика.

— Твой "Класс" — это только пластика?
— Нет, поскольку мои ребята умудряются еще и говорить.

— Но танца нет?
— Нет.
— А чем отличается движение от танца?
— Танец ритмически организован и музыкально квадратен. Это циклически повторяющиеся композиции: четыре-четыре, восемь-восемь, шестнадцать-шестнадцать. А еще танец отличается унифицированностью. Исполнив несколько раз одно и то же движение в жестко организованном ритме, человек при повторе приходит к обобщению. Так, путем повтора рождались все знаменитые танцевальные движения. А пластика существует в плавающем ритме, исполнитель может держать

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

четкий ритмический рисунок, а может и не придерживаться его. В пластике музыка не становится аккомпанементом, как в танце, а является состоянием, в котором работает артист.

— Как можно работать, ничего не показывая?
— А зачем показывать? Если я показываю, то ставлю актера в рамки определенной формы, а мне хочется, чтобы он сам добился этой формы. Тогда эта форма становится неожиданной не только для меня, но и для него. Мы вместе ищем эту форму с помощью самых разных тренингов. Скажем, что значит поднять грудью в современном танце? Это не поднять ее физически, а самому подняться над землей, подняться куполом, чтобы края грудной клетки ощущали гравитационное поле земли. Вчера, например, мои ребята ловили муху. Но как! Они ее ловили носом, подбородком, глазами. Да-да, глазами. Тут есть связь с индийским классическим танцем, где для глаз существуют шестнадцать движений и для головы — двадцать четыре.

Если долго мучиться

— У нас есть стреч-класс, невероятно мощный, технически сложный. Здесь движение не имеет предела, нет ограничения. Ни одного самого простого движения в этом классе выполнить идеально, до конца, невозможно.

— Тогда зачем так мучиться?
— В этом вся и прелесть, надо всегда стремиться к идеалу, который невозможно достичь. Тогда человек развивается. Когда борешься с хорошим противником, то растешь. А если в противники взята гравитация? И она ни на секунду не исчезает? Вот это борьба! Ты упади так, чтобы не было слышно, или упади так, чтобы зал вздрогнул от того грохота, которым разбилось твоё тело о пол. Каждое движение имеет свой смысл, который нельзя изменить на противоположный. Вот мы с ребятами и стараемся дойти до этого смысла.

— А кто они, эти ребята, откуда приходят?
— С улицы. Младшая группа подобралась совершенно случайно. В Москве один артист набирал актерский курс. Ребята набрали, позанимались с ними месяца два, потом из-за финансовых проблем курс распался. И вот один ладутчик с этого курса пришел ко мне, а я набирал младшую группу. Смотрю я на него, а он не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Я с ним и так, и эдак, ничего не понимаю, я не выдержал, как закричу: "Ну, хоть руку-то ты себе можешь оторвать?" Тут он стал так вдохновенно отрывать собственную руку, что я его взял. Потом пришли еще четыре человека. И я решил: а что если с ними, зажатыми, невыразительными, попробовать? Сразу же дал им стреч, который заряжает энергией. Ты обратил внимание, что ребята не пьют энергию зала, а отдают? Это все стреч, он дарит энергию, в нем есть культурная природа. Ведь раньше

в обрядах люди энергетически обогащали друг друга. И самое интересное, мои актеры через полчаса после выступления все могут повторить: отдав энергию, они ее в себе приумножают.

Рафинад танцу не товарищ

— Твоя труппа может выдержать не фестивальный, а ежедневный ритм жизни? То есть стационар, премьеры, касса?..

— В Вене мы играли пять спектаклей подряд, в Риме четыре, в Перуджии — четыре, в Неаполе — три, и актеры выдерживают. Мы играем много, а наши гастрели проходят при переполненных залах... К сожалению, у нас нет своего помещения. Но в то же время нас не интересует жесткий репертуар, как в Большом театре. Играть спектакль долго нам неинтересно. Нам интересно часто менять репертуар. А ведь Большой держит свои спектакли по 150 лет!

— И в чем тут тайна? Спектаклям Большого по 150 лет, а они все пользуются спросом...
— И Кабуки до сих пор популярен, хотя более древний, чем Большой театр. Балет Большого — это жестко сложившаяся движущаяся и танцевальная система. На классике артисты совершенствуют свое мастерство. Но, к сожалению, сегодня классический танец в России рафинирован настолько, что в нем трудно развивается энергия человека. Чтобы энергия пробивалась через рафинад, танцевать нужно не мелодию, а ритм. И тут на помощь приходит современный танец, который апеллирует к ритму. Балет Большого должен держать современные спектакли, с другим, отличным от классического танца языком. Но, к сожалению, труппа не в состоянии исполнять их, поскольку ей не хватает знаний о сегодняшней культуре современного танца.

— Ей не хватает знаний не только о сегодняшней культуре танца, но и вообще о современной культуре. Они уникальны в своем консерватизме...
— Да, это печально. Ведь владение современным танцем позволяет артистам гораздо ярче исполнять и классическое наследие. Современность не разрушает традицию, а напротив, делает ее более выразительной. Сегодня певец, музыкант может исполнять Бортнянского, Баха, Моцарта, Шостаковича, Шнитке... А в балете — жуткая скука. Классику надо хранить, оберегать, но рядом с ней должна быть живая альтернатива — современный танец.

Долой учебники!

— Давай вернемся к телу не танцовщика, а обычного человека. Как похудеть, как вернуть привлекательность?

— Не толстеть, думать о теле.
— Но если человек уже набрал вес? Что это? Конец?
— Не всегда конец, но часто конец.
— А спасение? Я так понимаю: это "Класс экспрессивной пластики", где молодые, красивые тела. Но с возрастом и эти тела потеряют свою упругость, обвиснут...
— У меня что-нибудь обвисло? А мне шестьдесят три года!

— У тебя — постоянный тренинг.
— Я ничего не показываю, у меня нет тренинга. Просто все кипит энергия. Душа — это энергетическое понятие. И тело обвисает не потому, что возраст, не потому, что время упущено, а потому, что утеряна связь души с телом. Знаешь, в чем трагедия "Саломеи" Уайльда? Не в патологической страсти Саломеи к Иоканану. А в том, что Иоканан — зрелый мужчина с детской душой, а Саломея — маленькая девочка с душой взрослой, испорченной женщины. Вот эта дисгармония и рождает трагедию: им необходимо обменяться душами...

У человека всегда конфликт души с телом. Душа подвижна, а тело неуклюже. Душа чего-то хочет, а тело — неспособно. Поэтому, когда ты спрашиваешь, каким образом нашим согражданам восстановить утраченную привлекательность, я отвечаю: никакими. У большинства людей нет потребности души в теле, а тело ничего не требует от души. Они живут в полном разладе — и счастливы. Тело жрет, а душа витает в каких-то кулаках... Но когда душа обращается к своему телу и трясется от него соответствия или тело завистливо смотрит на душу, потому что душа более подвижна, — тогда и наступает гармония. Когда человек это понимает, ему уже не нужны никакие учебники. Потому что лучший совет он находит у души, а лучшие средства — у самого тела. А все эти клубы, где занимаются культурой тела, бодибилдингом, — это не культура — это дисгармония. Это извращение природы — так наращивать мышцы; это мяскокомбинат! И это ненормально по пропорциям. У древних греков не было культуристов, но их идеал человека, который мы видим представленным в скульптуре, и сегодня восхищает.